

18+

Виталий Турченков

Сегрегация

Книга первая. В пяти частях

Виталий Турченков Сегрегация. Книга первая. В пяти частях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42130839

ISBN 9785449656087

Аннотация

Главный герой книги, волею странных обстоятельств (то есть непонятно как), попадает в странный иллюзорный мир (то есть непонятно куда) с единственным желанием избежать возможных неприятностей на работе (то есть убраться оттуда как можно быстрее). Помочь ему в этом берётся весьма неоднозначный персонаж с очень сомнительной мотивацией.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	29
НЕ ОПЯТЬ, А СНОВА	29
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сегрегация
Книга первая.
В пяти частях
Виталий Турченков

© Виталий Турченков, 2019

ISBN 978-5-4496-5608-7 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-5609-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Яркая картинка монитора немилосердно зарябила в глазах. Часы показывали два часа ночи. Сознание кое-как силось выполнять свою главную функцию – не впасть в деструкцию, и почти никак не реагировало на кофеин. Свет настольной лампы развлекался, как мог, то удаляясь куда-то в темноту комнаты, то возвращаясь обратно подобно прожектору прибывающего в ночи электропоезда.

Подумалось, что пора прекращать подобные, несанкционированные временем суток излишества и наконец-то начать бегать по утрам. Ещё почему-то подумалось, что современный ландшафтный дизайн утратил былую свежесть и новизну, и что газон надо поливать чаще, во имя ярко зеленеющего бытия. Ибо трава, что внезапно оказалась у меня под ногами, удручала своей быстро седеющей желтизной.

«Какая к чёрту трава?» – скользнула в голове удивлённая мысль. – «Не было же никакой травы?»

Но трава об этом, по-видимому, ничего не знала и поэтому продолжала быть. Так же (то-тут то-там) на внезапно возникшем бескрайнем поле, появлялись одиноко стоящие и причудливо изогнутые деревья да такие же по виду кусты. А слева от меня, точно отчерченной стенной, угрожающе нависал грязно белый туман.

И только снова подумалось, что пора это прекращать,

деревья выкорчевать, а поле засеять пшеницей, как одно из этих деревьев неестественно изогнулось, повернулось и приобрело форму явного человеческого силуэта.

Это не вполне ожидаемое, от представителя местной флоры, действие, слегка обескураживало и требовало хоть каких ни будь, мало-мальски приемлемых объяснений.

Существо же это, начав двигаться, в мою сторону совсем (почему-то) не менялось в размерах и быстро преодолев расстояние в метров двести, очутилось прямо передо мной, имея вид человека, чуть выше среднего роста.

Впрочем, это я вру, человеком называть его было бы крайне не верно. Это, скорее, был плохо срисованный с классических готических картин демон, с толстыми электрическими проводами вместо пальцев. Глаза его светились красными лампочками, а один из рогов видимо постоянно вис.

– Я вас приветствую, мой друг, – учтиво сказал демон и улыбнулся.

– Здравствуйте, – только и нашелся, что ответить я.

– Ну, милейший, как вам наша сегрегация? – указав на стоящий поодаль густой туман, спросил он. – Креативненько?

– Я, если честно не знаю... Быть может... – Ничего не понимая, стал подбирать подходящее выражение мой мозг.

– Может? Это интересно.

– Я в том смысле, что...

– О да, смысл, это основоположное проявление интеллек-

та.

– Вот здесь, я как раз и не уверен...

– Ну, это вы бросьте. Да кстати, так всё же – что вы думаете обо всём этом? – обмахнув рукой, пространство спросил он.

– Вы, наверное, плод моего усталого воображения – смущённо ответил я.

– Очень может быть. Чёрт побери, очень может быть!

– Тогда мне, наверное... нужно поспать?

– Эка вы дали! Поспать. Тут милостивый государь дел невпроворот, а вы «поспать»! Стыдно, ей богу.

– Да какие дела? Мне на работу завтра!

– На работу?!

– На работу.

– Завтра?!

– Завтра.

– А если «завтра», того глядишь и не настанет? Что тогда? А?

Ввиду явного отсутствия логики во всём происходящем, ответить на этот вопрос я попросту затруднился. Хотелось всё это прекратить и я инстинктивно стал искать глазами выход из этого недоразумения.

– Вы бы ещё цифры от кодового замка попросили, – заметив моё настроение, разочарованно сказал демон. – Говорю же – сегрегация.

– Какая ещё к чёрту сегрегация?! – не удержался я. – Что

за бред?

– Кому бред, а кому и основа существования.

– Мне домой надо.

– Всем надо.

– Так я пойду?

– Попробуйте.

– А в какую сторону?

– В ту, – указав на туман рукой зловеще прошептал демон.

Пробираться сквозь этот туман было настолько тяжело и неприятно что я уже подумывал вернуться обратно. Но косивший на меня свой левый, красный глаз демон (туман был настолько густой, что я видел только его) непроизвольно заставлял меня идти только вперёд. Минут через пять, этого молчаливого променада, во время которого меня не покидало стойкое ощущение того что я дышу исключительно влажной, туман начал слегка рассеиваться и впереди замелькали большие тёмные тени. Ещё через минуту стало ясно, что мы вошли в какой-то весьма мрачный лес. Деревья в нём были огромными и абсолютно голыми (ну в смысле без листьев). Росли они не очень густо и потому пробираться среди них куда-то вперёд, физически, не стоило больших усилий. Через некоторое время, видимость улучшилась настолько, что можно было разобрать картинку хотя бы на метров десять вперёд, но и это обстоятельство особого позитива не прибавляло. Не прибавляло ибо, виды, которые стали открываться передо мной откровенно напрягали.

Между деревьями то и дело слонялись какие-то странные существа без видимой логики в своих действиях. Один в длинном балахоне и капюшоне, бормоча фразу: «так было всегда, но впредь не будет» подбирал с земли сухие ветки и приматывал их с помощью изоленты к стволам деревьев. Другой, похожий на ржавого робота из старых кинофильмов (с квадратной головой), извлекал вслух корень из триста шестнадцати умноженного на девятнадцать. Причём все ответы, которые он выдавал, его же видимо и не устраивали. Третий вообще бил себя по светящейся зеленоватым светом башке, старым мобильным телефоном, настойчиво повторяя при этом слово: «алло».

Но больше всего, моё внимание привлёк жуткий, похожий на большого павиана, тип со штепселем на конце хвоста. На голове он имел шапку из фольги, а из одежды в целом, какие-то лохмотья.

Заметив меня он тут же уселся на трухлявый пенёк и со словами (голос у него был до того скрипучий, что у меня даже свело скулы): – «что это, кто это?» поманил меня пальцем.

Не зная как на это реагировать, я вопросительно взглянул на своего попутчика.

– Субъект, конечно же, не лишён своего очарования, но в долгую полемику с ним, вступать не рекомендую, – быстро ответил тот.

– Идиотизм какой-то, – сокрушённо заметил я и нехотя

направился к павиану.

Обладатель скрипучего голоса этому обстоятельству видимо обрадовался и потому тут же заулыбался мне, широко оскаленными клыками.

– Так вот куда ветер злополучный, дует то теперь, – почти пропел он, поджимая свои ноги под себя. – Прискорбно, небось, осознавать вдруг, свою вторичность?

– Какая ещё вторичность, – не понял я.

– Вторая, конечно же! На то она и вторичность, и первой ей не бывать.

– Я не совсем понимаю...

– Неужели?

– Мне бы только домой попасть... и всё.

– Домой?

– Домой.

– И где же ваш дом?

– На Масленичной пятнадцать.

– Ах, на Масленичной... Да и что же там? На вашей Масленичной пятнадцать? – удивлённо спросил он, поглядывая на демона придерживающего свой рог.

– Я же говорю, дом там... квартира моя, – ещё более непонимающе ответил я и тоже посмотрел на демона.

Павиан пожал плечами и оглянулся куда-то назад.

– Где вы тут квартиры видите? Тут таковых отродясь не было.

– Молодой человек, просто не полностью, осознаёт и по-

нимает значение слова – сегрегация, – встрял в разговор мой попутчик.

– Да всё я понимаю! – запротестовал я. – И кстати, это именно вы утверждали, что нам сюда идти надо.

– Ничего я не утверждал. Просто выдвинул предположение.

– Предположение вещь неподсудная, – со знанием дела заметил туманный мыслитель и завертел в руках свой хвостшпатель.

– Стоп, стоп, стоп! – отчаянно жестикулируя, прервал их я. – Вы что же, хотите сказать, что на самом деле, не знаете, как мне отсюда выбираться?

– Почему не знаю? Знаю, – весомо заявил демон. – Тем же путём, каким сюда и попали.

– А каким путём я сюда попал?

– Да. А каким путём он сюда попал? – участливо поинтересовался павиан.

– Самым что не наешь мутным, – придерживая свой рог, торжественно заявил мой проводник и попутчик.

Слово «мутный» при всём своём старании, было не в состоянии внести хоть какую ни будь ясность во всё странное происходящее, и потому паскудным образом, никак не утешало. Как не утешала и повисшая после всего выше приведённого заявления пауза, вовремя которой все участники дискуссии стали переглядываться между собой с видом особенно ярко выраженного непонимания.

– Умопомрачительная хрень, – выждав несколько неловких секунд, охарактеризовал данную ситуацию павиан. – После такого, обычно и становятся воинствующими пессимистами... или политическими активистами.

– Таковы реалии, – пожав плечами, тут же не согласился с ним демон. – Или вы против реалистичного взгляда на вещи?

– Какая реалистичность? – снова не выдержал я. – Где вы тут вообще хоть какую ни будь реальность видите?!

– Это вы что же? Обидеть нас сейчас намеривались? – Шмыгнув своим большим носом, по-детски заныл павиан.

– Никого я обижать не собирался, – поспешил успокоить его я. – Мне просто... видимо нужно проснуться. Вот и всё...

– Помилуйте любезнейший, – наставительным тоном перебил меня демон. – То вам поспать, то проснуться! Вы уж определитесь со своими циклами снов и бодрствования, наконец. Ибо на такой зыбкой почве неопределённости, нашему самолёту целеустремлённости вверх не взлететь.

– Нашему? – вежливо уточняя, переспросил его ноющий мыслитель.

– Нашему! – безапелляционно подтвердил свою мысль мой проводник.

Крупные капли туманной влаги, бесшумно скатившись с ближайшей ветки, предательски капнули мне за шиворот. Стало как то не комфортно и подумалось, что определённость мне сейчас точно бы не повредила.

– В метрополию ему нужно, – неожиданно заявил павиан, бережно поправляя свою шапочку из фольги. – Там вся почва асфальтированная, взлетай себе сколько хочешь.

– У вас тут и такое есть? – почти удивился я.

– Имеется и такое, – нехотя ответил демон. – Но... посещение подобных мест... чревато.

– Чем?

– Непредвиденными событиями.

– Можно подумать здесь все события предвиденные.

– Да, можно подумать здесь все события предвиденные, – поддержал меня павиан.

– Что ж воля ваша, – философски заметил демон и раскланялся передо мною в старинной приторной манере. – Воля ваша.

– Какая там ещё к чёрту воля, – вновь не выдержал я. – Других вариантов всё равно нет!

– Нет. Других точно нет, – как бы окончательно разметал все мои сомнения павиан. – Или...

– Или?

– Да нет, точно нет. Хотя...

– Хотя?

– Да пойдемте уже наконец, – раздражённо поправляя свой вечно виснувший рог, прервал нашу бессмысленную дискуссию демон. – Туда ещё как-то добраться нужно.

С печалью, на своих больших обезьяньих глазах, провожал нас мой новоиспечённый (почти что) друг и даже поры-

вался сначала подарить мне свой головной убор, но... вовремя спохватился и попросту зажал. А я и не обижался, потому как данная ситуация и так была вполне глуповатая и усугублять её... не очень то и хотелось.

И так, путь наш лежал в мифическую, хорошо асфальтированную (насколько я понял) метрополию. Чёрт его знал, что это за место и нужно ли мне именно туда, но как и было заявлено ранее, других вариантов всё равно не было.

Сильно редееющий, по мере нашего продвижения по нему, лес, больше не удивлял нас своими обитателями (ввиду их полного отсутствия) а густой туман полностью рассеялся, представляя нашему вниманию серое пасмурное небо.

– А как тут у вас... вообще с транспортом, – взбираясь на довольно крутой, поросший одинокими кустарниками холм, запыхавшись, спросил я.

– С транспортом? Вы же родным, бегать по утрам обещались, – укоризненно глядя на меня заметил демон.

– Начну. Вот домой доберусь и сразу же начну.

– А чего ждать? Считайте это бесплатным приложением к нашей программе.

– Я вашу программу, прошу прощение, не заказывал.

– Ой, да все вы её не заказывали! Пиратские копии не скачивали, где не положено, не лазили!

– Причём тут лазили... Или... Это что, всё это... вирус какой-то, что ли?

– Кто ест чеснок и в перце знает толк...

– Какой там ещё чеснок? Вы можете перестать говорить загадками! – уже совсем перестал сдерживать себя я.

– Ну так, милейший, кому и двигатель внутреннего сгорания до сих пор загадка, – язвительно прошептал на это мой несносный попутчик.

– Кстати о двигателях, – пришлось вернуться к началу разговора, мне – Так как там насчёт транспорта?

– О-о, это не проблема. Нам бы только на дорогу выйти.

– Какую дорогу?

– На ту, что ведет к городу.

– Из жёлтого кирпича?

– Сдался вам тот кирпич, ей богу. У нас тут и асфальт найдётся.

С противоположного склона холма (когда мы туда наконец-то добрались) действительно показалась широкая уходящая куда-то вдаль дорога. Вдоль неё, бескрайним пространством и пугающей чернотой, располагались тщательно вспаханные поля, а с неба вот-вот собирался пойти дождь. Тут же подумалось, что одет я не по погоде, точнее сказать только сейчас я заметил, что брожу здесь уже целую кучу времени, во всём домашнем, включая треники и тапки.

– Да, вид у вас действительно несуразный, – поправляя пальцами-проводами свою испорченную деталь головы, угадал мои мысли демон. – Надо бы вас приодеть, что ли.

– А у вас тут строгий дресс код?

– Язвите? Это хорошо. Полезно для осознания неизбеж-

ного.

– Я даже не буду спрашивать, что вы имеете в виду, – устало махнув на всё воображаемой рукой, равнодушно ответил я.

– Не отчаивайтесь. Ведь всё могло быть и хуже.

– Это как же?

– Сидели бы сейчас в своей пыльной квартирке на Масленичной пятнадцать и щёлкали по клавишам своего компьютера как дятел неврастеник... А так на свежем воздухе в ходьбе упражняетесь.

– Ага, спасибо большое.

– Всегда пожалуйста. Да, кстати, по поводу вашего вопроса... а вон и транспорт.

На упомянутой мною широкой дороге (к которой мы почти спустились) действительно показалась нелепого вида повозка наподобие грубо сколоченной рикши. Тащило её огромное существо странного вида (пора перестать использовать это слово, ей богу, тут всё странное) напоминающее быка с почти человеческим телом в больших грязных сапогах и чёрном прорезиненном плаще.

– Ау, милейший! – замахал ему рукой демон. – Не окажите ли любезность двум усталым путникам, чьи ноги...

– Ноги для дороги, – еле слышно пробурчал хозяин повозки, даже не взглянув в нашу сторону.

– И тем не менее, нам бы чуточку вашего внимания, – весьма галантно остановил его мой проводник. – Ибо неиз-

бежные обстоятельства требуют того...

– Требуют? Гоните к чёрту такие обстоятельства, если они чего-то там требуют, – нехотя окинув нас своим тяжёлым взглядом молвил полу-бык. – Я вот тоже требовал и меня послали. Послали я и иду.

– Мой друг, – осторожно начал пояснять ситуацию демон.

– Я вам не друг, – на всякий случай уточнил полу-бык полу-рикша.

– Ой ли? Дорогой мой! Ой ли?

– Я вам не дорогой.

– Наверное, ему нужно заплатить? – прикрыв рот ладонью тихо прошептал я.

– Когда поправаны все ценности благоразумия, какая плата окажется достойной? – всё же видимо услышав мои слова, глядя в небо обречённо простонал рикша-бык.

– Не знаю... Я просто не знаю, какая у вас тут валюта... ходит.

– Когда поправаны все основы...

– Ой, да бросайте канючить! – потеряв всякую учтивость, вскипел демон. – Вам в город, нам в город, сели и поехали!

– А кто против? – монотонно пробурчал хозяин тележки. – Чем стоять тут, уже сели и ехали бы. Уже. Давно.

– Другой разговор друг мой, – тут же смягчился мой спутник, жестом руки упреждая возможную реплику, нашего нового знакомого. – Другой разговор.

Не без труда взгромоздившись в телегу поверх каких-то

пыльных мешков, мы медленно тронулись в путь. И можете считать меня нытиком, но толи пейзажи представшие перед нашими взорами были до того унылыми и однообразными, толи попутчик наш, новый, оказался до того немногословный и жутковатый, но впервые за всё время моего пребывания в этом стран... (ах да, я же зарёкся произносить это слово) месте, чувство пессимизма вдруг, окончательно превозмогло остатки всякого любопытства. И обстоятельство это, конечно же, ничего хорошего впредь не предвещало.

– Однако же, простите мне мою фамильярность, – вальяжно откинувшись на старый мешок, восторженно обратился к жутковатому полу-быку, демон, – но никак не могу не отметить, вполне удачную конфигурацию ваших славных рогов! Особенно левого.

– Левый, правый. Рога как рога, – недовольно пробубнил на это тот.

– И всё же славные рога, – не как не унимался демон. – Вы уж поверьте, я в этом толк знаю.

– Где рога там голова, – философски заметил наш новый знакомый, упорно продолжая тащить свою скрипучую телегу.

– А вы в город по делам, – боясь оказаться не вежливым, решил поддержать беседу и я.

– По делам, не по делам. Встал и пошёл. Вам то что?

– Нет-нет. Я в общих чертах... не конкретно.

– Конкретности я не боюсь. Конкретно встал. Конкретно

взял. И конкретно пошёл.

– Сразу видно, что вы баловень судьбы, – решил прийти мне на помощь мой проводник, – Скажите честно – вы поэт?

– Поэзии я не боюсь.

– Потрясающе! А она вас?

– Мне конкретно, до неё дела нет.

– Да! Вы только подумайте. А отчего же?

– Конкретный я. Потому что конкретики не боюсь. Взял вот, конкретно встал и пошёл. Конкретно. Я уже говорил.

– Да так бывает, – зевнув, подвел итог нелепому диалогу демон. – Так бывает.

В этот момент с неба всё-таки закапал дождь, заставив меня взгрустнуть по поводу отсутствия у этой повозки крыши. Но вслух, о том, я жаловаться не стал, ибо негласно сговорившись, дальнейший путь мы всё-таки решили продолжать молча.

Вообще, всё происходящее сильно напоминало мне странный игровой квест, где вместо захватывающих приключений и сражений были лишь эти дурацкие разговоры не о чём. Однако даже подобные сравнения пришлось оставить на потом, так как на мутном горизонте наконец-то показался город.

– Да-а, приодеть вас всё же придётся, – подставляя свою проводную ладонь под капли дождя, задумчиво произнёс демон.

– Было бы не плохо, – слезая с припаркованной на ка-

ком-то пустыре телеги, оглядываясь, ответил я.

Дождь усиливался и в усилении своём настойчиво прибивал пыль на старых обшарпанных мешках. Стало прохладно, а по причине нависания над нами огромной чёрной тучи, ещё и темно почти как ночью.

Пустырь, на котором мы остановились, находился прямо перед огромными постройками мною увиденного города. И на нём уже скопилось большое количество (подобных нашему) транспортных средств, между которыми бродили и переговаривались существа внешне схожих с нашим новым знакомым.

– А не сыщется ли у вас, чего-нибудь на подобии одежды, – критически оглядывая содержимое телеги, вкрадчиво обратился к полу-быку демон.

– Могу сыскать, коль поискать, – хмуро ответил тот.

– А говорили что не поэт! – восхищенно воскликнул мой проводник.

Бродившие вокруг существа тут же обратили на нас свои хмурые вопросительные взгляды.

– Ни какой поэзии, – быстро поправил его наш знакомый. – Конкретно взял, конкретно достал и конкретно пошёл.

– Конкретно пошёл... Конкретно пошёл, – довольно заголосили существа расходясь по своим (не ведомым мне) делам.

Тут же из упомянутых мною выше мешков был извлечён

старый серый плащ и пара сильно поношенных кирзовых сапог. И то и другое после примерки оказались минимум на один размер больше.

– Вы бы кушали больше, что ли, – рассматривая меня со всех сторон, скептически произнёс демон.

– Так мне больше бегать или больше есть? – недопонял его придирку я.

– Так одно другому не мешает, – поправляя на мне плащ, безапелляционно заявил он. – Ведь бег способствует хорошему аппетиту.

– Я учту, на будущее. Да, кстати, а у вас тут вообще, платить, за что ни будь нужно?

– Везде нужно. И у нас тоже.

– Ну а чем?

– Доверием.

– И всё?

– А этого мало?

– Там откуда я, да.

– Ну и порядки у вас там, на вашей Масленичной пятнадцать. И чего вы туда рвётесь?

– Там я, по крайней мере, не выгляжу пугалом.

– Откуда вы знаете? Может вам там просто грубо льстят.

– Мне телегу разгружать надо, – прервал наш спор полу-бык. – Конкретно взяли, конкретно встали и конкретно пошли.

Поблагодарив и пожелав ему всего хорошего (не смотря

на его явное нежелания нас слушать) мы направились к высокой стене ограждающий город от пустыря.

– Они что, этот секонд-хенд в магазины сдают, – изучая карманы своего плаща, нарушил обоюдное молчание я.

– Ага. Оптом, – иронично отозвался на это предположение демон. – Да откуда мне знать.

– Я думал вы всё знаете?

– А зачем мне всё знать? Я карьеру справочника делать не собираюсь.

– А какую собираетесь? Да кстати, а кто вы вообще такой?

– Приехали. Вам не кажется, что вы слегка запоздали с этим вопросом.

– Да... Но вы уходите от ответа.

– Да я вообще могу уйти.

– Покажите где тут выход и идите.

– А я вообще-то не обязан.

– Зачем тогда ввязались?

– По доброте душевной.

– Какой... Вы же демон.

– Неправда.

– А кто.

– Эльф.

– Какой еще к чёрту эльф?

– Пятого уровня.

– Эльф... Дурдом какой-то. Вы вообще эльфов то видели?

– А вы видели.

– Ну да.

– И где же? На Масленичной пятнадцать?

– Нет... Ну... На картинках там, в кино.

– Ах, в кино. Ну, тогда да. Тогда это аргумент.

– Ладно... Давайте прекратим.

– Так не я начал.

– И тем не менее. Давайте прекратим.

– Давайте прекратим. Тем более нам сейчас проверку проходить.

Своим перстом проводом, новоиспечённый эльф указал на ворота в той самой высоченной стене, что опоясывала город настолько насколько хватало взора. Тяжёлые ворота были открыты настежь, но путь через них преграждал металлический шлагбаум и четыре закованных в броню рыцаря.

– Безуровневым входа нет! – хором пробасили они, угрожающе выставив вперёд свои длинные копья.

– Помилуйте господа, какие же мы вам безуровневые, – поправляя свой рог, тут же запротестовал эльф. – Мы очень даже уровневые.

– Внимание проверка! Внимание проверка! – тонким голоском заголосил внезапно появившийся из-за спин рыцарей маленький толстый человечек в старомодном мундире и направил на нас прибор похожий на радар автоинспектора.

– Расслабьтесь, – заметив замешательство на моём лице, тихо прошептал мне мой проводник.

– Внимание, существо третьего уровня! – громко огласил

свой вердикт маленький человечек, направляя на меня свой радар.

– Я... да. Я третьего, – взволнованно пробубнил я.

– Вот ваш пропуск! – прокричал «инспектор» и торжественно протянул мне маленький металлический жетон с изображённой на нём цифрой три.

На душе тут же полегчало настолько, что мне на время даже стало всё равно с какого такого лешего я вдруг оказался существом третьего уровня.

– Внимание существо первого уровня! – снова прокричал человечек глядя на эльфа через свой прибор. – Вот ваш пропуск!

Услышав окончательное подтверждение наших сущностей, суровые стражники тут же убрали свои копья и синхронно расступились перед нами, громко громяхая своими доспехами. Шлагбаум был открыт и мы уверенной (ну почти уверенной, что касается меня) поступью вошли в этот чудо город

– Что ж вы ввали про свой пятый уровень? – с вполне заслуженной (как мне показалось) издёвкой обратился к эльфу я. – Может вы... и про ещё что ни будь наврали.

– Ой, да я вас умоляю! Так сразу и наврал, – стал весьма эмоционально защищаться он. – Да у них радары нелицензированные. Бюрократы хреновы.

Город, в который мы вошли, сразу поразил меня своим очевидным контрастом со всем видимым мною доселе.

Во первых, своими огромными зданиями. Во вторых, своим обилием неонового освещения, которое на фоне сгущающейся темноты производило весьма фантастическое впечатление. По обе стороны улицы тянулись многоуровневые монорельсы, связанные между собой огромным лифтом, стоящем на главной (по всей видимости) площади города. Первые же этажи этих домов производили впечатление заброшенных и грязных помещений, а уборка здешних улиц в планы городских властей видимо не входила в принципе.

– Первый уровень, – угадав мои мысли, брезгливо произнёс толи эльф толи демон порывисто обводя всё рукой.

– И кто здесь живёт? – предугадывая ответ, всё же поинтересовался я. – Существа первого уровня?

– Должны жить, так никто не хочет.

– Почему?

– Да потому что уж лучше в лесу с безуровневыми, чем здесь.

– Не понял.

– Ну а кому будет приятно, когда тебе десять уровней на голову гадят, а ты ещё и убирай.

– Странная система.

– Никакой системы. Каждому следующему уровню плевать на предыдущий. И больше всего от этого страдает именно первый.

– И как определяется этот уровень... да и почему я именно третьего?

– Вот, кстати, насчёт этого. Вы меня сильно разочаровали.

Я-то думал вы как минимум пятого.

– Ну уж простите. Так почему третьего?

– У радара ихнего спросите.

– Да бросьте! Ведь должен же быть кто-то, кто это решает.

– Должен. Где то там должен, – мрачно ответил демон эльф и указал рукой вверх.

– А что там?

– Откуда я знаю. Я даже на второй уровень ни разу не подымался.

– Так вон же лифт. Мы же к нему кажется, идём?

– Да. Но там по пропускам.

– Так у меня как раз... Слушайте! – внезапно вдруг осенило меня. – Так вот она ваша доброта то душевная в чём заключается!

– Конечно! Ведь я же демон в конце то концов, – искренне удивился уже точно не эльф. – Мне корысть в мотивации сама собой полагается.

– Ещё не так давно, вы утверждали что эльф?

– Какой ещё эльф? Вы вообще эльфов то видели?

– Стоп, стоп, стоп. Сей час, вот если честно, совсем не понятно.

– А чего тут понимать. Вы домой. Я на третий уровень.

– А как же я домой?

– Я вам по уху щёлкну, больно, и готово.

– Что значит и готово? Столько протопать и всё?

– Ой! Да сколько вы там протопали? Протопал он. Больше хныканья, чем пути.

– А может быть я и сам хочу туда, – запротестовал я. – На третий уровень.

– Вам Масленичной пятнадцать мало, – грустно глядя на меня парировал демон.

– Мне просто интересно.

– Вы гляньте! Интерес у него проснулся. Внезапно.

– Да проснулся. Вот так вот взял и проснулся. Внезапно.

– Полно ребячится. Давайте сюда жетон и ступайте с миром.

С этими словами он выхватил у меня жетон и больно дал по уху.

Всё та же желтеющая трава и стена густого тумана, живо напомнили мне о современном ландшафтном дизайне и о его явных проблемах. И только я вновь решил по этому поводу возмутиться, как вдруг всё странно поплыло и превратилось в одно сплошное светлое пятно.

Яркая картинка монитора снова зарябила в глазах. Часы показывали четыре часа ночи. Сознание кое-как силилось осознать всё происходящее, а свет настольной лампы по-прежнему развлекался как мог, то удаляясь куда-то в темноту комнаты, то возвращаясь обратно подобно прожектору прибывающего в ночи электропоезда.

– Надо бы начать бегать по утрам, – от чего-то вслух подумал я.

Часть вторая

НЕ ОПЯТЬ, А СНОВА

Оказавшись в тёплом помещении, мутный взор бессистемно проплыл по «слегка» захламлённой комнате. Проплыл и тут же остановился на письменном столе.

«Чёртовы праздники» – недовольно заныла, ещё теплящаяся в моём сознании какая никакая, да мысль: «Да гори он ярким огнём такой отдых!»

Но ярким огнём горела лишь настольная лампа, да её же отражение в зеркальной дверце шкафа напротив. Часы показывали три ночи, а тени на стене не ясные силуэты. Складывались вполне удачные предпосылки к вполне закономерному сну, но рука отчего-то потянулась к компьютеру, а делегированный ею по этому случаю, указательный палец, послушно нажал на кнопку «включить».

Осветив дополнительным светом сонный полумрак комнаты, монитор приветствующем морганием, торжественно возвестил о своей готовности, верно, служить нуждающемуся в нём, человечеству.

От осознания этого пустякового события, на душе почему-то стало приятно и комфортно.

Но на экране, вместо привычного изображения лазурного

побережья с пальмой, появилась до боли знакомая картинка жёлтой травы и причудливо изогнутых деревьев.

«Только не это» – жалобно простонала потревоженная этими образами память и тут же попыталась забиться в угол подавленных ею же воспоминаний: «Только не это».

Но жёлтая трава уже обустривалась вокруг моих (обу-тых, по этому случаю, в кирзовые сапоги) ног, окончательно вовлекая меня в нелепый мир странной флоры и стоящего в стороне, чётко очерченной стенной, грязно-белого тумана.

Я тут же попытался сделать шаг назад, но было поздно. Обернувшись, я обнаружил себя стоящего посреди огромного унылого пространства без всякой возможности к отступлению и с вертевшимся на уме, вполне подходящем словом.

«Не опять, а снова» – отвечая на него, ехидно пробежала в больной голове коллаборантского вида мысль и тут же потерялась в извилинах. И обижается на это замечание, было бессмысленно, ввиду полной её правоты.

Что ж ситуация была неприятная но по крайней мере поправимая. Ведь на этот раз, я знал, каким способом могу (и без лишней, заметьте нервотрёпки) избежать долгого блуждания по здешним достопримечательностям. Требовалась хорошая оплеуха и месяц само убеждения себя в том, что это всего лишь глупый сон. Такое мы уже проходили... Так что, почему бы и нет?

Нелепо размахнувшись, я что есть силы ударил себя по уху и... Ничего не произошло. Ухо болело. Голова болела.

Приступ тошноты (видимо последствия алкогольных вливаний, здесь не аннулировались) нарастал, но я по-прежнему продолжал оставаться во власти жёлтой травы и глубокой досады. Что-то явно пошло не так.

На ум приходило лишь одно объяснение – для подобных перемещений требовалась нестандартная ладонь представителя коренного населения. И весьма кстати сейчас, был бы мой старый знакомый.

Внимательно взглядевшись в стоящие впереди деревья, я попытался обнаружить в них признаки более или менее разумной жизни, но последние ответили мне равнодушным бездействием. Ощущение тошноты и глубокой досады беспрепятственно нарастали. Требовалось найти решение этой проблемки, но мозг ввиду его утомлённого состояния, выдавал лишь некие туманные предположения, сродни той грязно-белой субстанции, что весьма кстати располагалась совсем рядом.

Что ж, в последний раз я видел своего не в меру корыстного попутчика за чертой этого мутного рубежа. Так почему бы ему, не оказаться именно там и сейчас. Приблизившись почти вплотную к туману, я стал внимательно вглядываться в его сырое нутро.

Густые потоки тяжёлого, влажного воздуха, осторожно проплывали мимо моего лица, почти не касаясь его. Странные, тёмные очертания его бесформенного содержимого, то приближались ко мне, то удалялись куда-то вглубь. И вот,

когда я уже решил про себя, туда не лезть, а отправившись к ближайшему дереву (не провоцируя судьбу) ждать толкование и позитивного завершения всего происходящего там... Тёмное очертание приблизилось ко мне на максимально доступное расстояние, и из бесформенного, превратилось в вполне даже форменную когтистую лапу, которая крепко ухвативши меня за лацкан плаща, сильным рывком втащила вглубь тумана.

Больно ударяя о стволы деревьев и царапая моё лицо об их ветки, обладатель когтистой лапы с лёгкостью (словно я был большой плюшевой игрушкой) протащил меня через туманный лес, и выволок на небольшую поляну. Уткнувшись носом в сырую землю и перестав наконец, кричать как ненормальный, я осторожно стал осматриваться вокруг. В глаза сразу же кинулся весьма своеобразный, а потому знакомый пенёк и блуждающие в тумане такие же знакомые существа.

– Вот откуда ветер снова подул то, – залезая на своё привычное место, елеино пропел павиан.

– Вы с ума спятили! – громко возмущаясь, начал подниматься я. – Так же и убить можно!

– Убить? Это вы право же зря. Не было такой задумки... убить!

– А какая была? Просто покалечить?

– Покалечить?

– Ага, покалечить.

– Зачем покалечить? Стояли там как засватанный. Прой-

ти боялись. Я инициативу проявил.

– Неплохо так проявил... А впрочем, ладно, не это сейчас главное.

– Не это?

– Не это.

– Не главное?

– Не главное.

– Да? Ну и что же сейчас главное?

– Я по ошибке, видимо к вам сюда снова попал...

– По ошибке?

– Да, да, по ошибке! И надо что бы вы мне... по уху дали.

– Вы видимо действительно сильно ударились, – с опаской глядя на меня задумчиво произнёс павиан. – То «покалечил», то «в ухо дайте». Это не последовательно, родной.

– Да я понимаю, звучит странно, – начал быстро оправдываться я, – но в прошлый раз так же было. Мне демон больно по уху дал, и всё. И я дома.

– Демон? Какой демон?

– Ну, тот, с которым я в прошлый раз был.

– Так он демон?

– Да, да, демон.

– А говорил всем что эльф.

– Врал... но это не важно. Мне бы по уху, больно. И всё.

– Ну-у, если больно, – осторожно слезая с пенька, участливо согласился павиан и со всего размаха залепил мне хорошую оплеуху.

Возвратившись в исходную позицию (пластом на сырой земле), я тут же попытался навести резкость на окружающую меня картинку, но с огорчением разглядел лишь уходящие в туман деревья.

– Ну что? Вы уже дома? – с интересом склонившись надо мною, прошептал мой обезьяноподобный друг. – Ну? И как там?

– По-видимому, всё ещё нет, – снова поднимаясь, расстроено произнёс я.

– Жаль, конечно. А вы всё ещё на Масленичной пятнадцать обитаете?

– Да. На Масленичной... обитаю.

– Ну и как там?

– Слушайте! Ну не до вашей глупости сейчас, ей-богу. Оплеуха не работает... А я другого способа не знаю.

– Не знаете?

– Не знаю. Надо, наверное, демона найти. Не подскажите ли случайно, где?

– А где вы его в последний раз видели?

– В городе.

– В городе?

– Да. В городе, – нерадостно констатировал этот факт, я. – Вот же ж... Это теперь опять туда тащится. А где там его искать?

– Да, а где там его искать? – продолжал на странный манер, реагировать на мои слова павиан.

– А может, есть всё-таки другой способ?

– Может и есть... другой.

– А кто может знать точно?

– Мудрейшая. Она может точно... наверное, знать.

– И где она?

– Кто? Мудрейшая?

– Да, она самая.

– Так, наверное мудрствует там... себе, в своём шалаше.

– Дорогу покажите?

– К ней?

– Да. Пожалуйста. Отведите меня к ней.

– Почему бы и нет, – почёсывая свой подбородок, подумал вслух мой несносный знакомый, широким жестом когтистой лапы приглашая меня следовать за ним.

Двадцати (примерно) минутное хождение среди деревьев, тумана и странных существ с весьма сомнительными, как всегда действиями, привило нас к большому, сложенному из увядших веток, шалашу. У входа этого странного сооружения, поджав ноги в позе лотоса восседала весьма древняя старуха, по виду глубоко погружённая в (без сомнения) важные размышления.

Одета она была, как и предстало местным жителям, в лохмотья, в волосах держала перо крупной птицы, в руках длинную индейскую трубку. Трубка дымила и как могла, поддерживала общий антураж таинственности данной картины.

– О, мудрейшая! – громко сообщил ей о нашем прибытии

павиан. – К вам вопрос! О, мудрейшая!

Видимо не ожидавший от нас подобного звукового эффекта, сидевший на ближайшей ветки большой чёрный ворон, тут же испуганно захлопал крыльями.

– Что вы орёте? – устало открыв глаза, простонала старуха. – Грибного отвара, всё равно больше не дам.

– Да гадость несусветная, этот ваш отвар, – обиженно отреагировал на это предположение мой друг. – Им только мутировавших паразитов травить.

– Ой-ой-ой. Скажите, пожалуйста! Вы же эти паразиты и есть.

– Мы?

– Вы!

– Это дремучий шовинизм.

– Простите, пожалуйста, – поспешил вмешаться в уходящий куда-то в сторону разговор я. – Мне бы просто узнать... Я не местный...

– Не местный он, – подтвердил мою идентификацию павиан.

– Сама вижу, что не местный. Не местный он... Это знаете ли ещё не повод на мой отвар поклёп возводить.

– Так не кто и не возводит, – успокоил её я. – Мне бы только узнать...

– Не возводит? – вслух засомневалась старуха и протянула мне стоящую у костра ржавую банку. – Тогда пей!

Весьма не эстетичный на вид сосуд, наполненный ка-

кой-то мутной жидкостью (с весьма специфичным запахом), грозился вызвать у меня приступ вполне закономерной тошноты. Но делать было нечего и я выпил.

Приступ не заставил себя долго ждать.

– Я же говорил что гадость, – сочувственно глядя на меня, подтвердил своё ранее высказанное утверждение павиан.

– Это голос твой, гадость, – зло ответила старуха. – Отвар, он... на то и отвар, чтобы реакцию подобную вызывать. Сей час, вот, у него сознание отчистится... и мудрость леса ему явится.

– Желудок у него точно очистился, – недоверчиво пробурчал обладатель скрипучего голоса, дружески похлопывая мне по плечу.

– Нет-нет, мне действительно полегчало, – во избежание не нужной конфронтации со старухой, с трудом произнёс я. – Мне бы только спросить...

– Ну вот, – торжественно возвестила мудрейшая. – Мудрость леса в нём вопиет!

– Сильно вопиет? – пристально глядя мне прямо в глаза, недоверчиво поинтересовался павиан.

– Мне бы узнать только, – глядя на хозяйку шалаша, настаивал на своём я.

– Знание, вещь полезная, – раскуривая свою затухшую трубку, задумчиво произнесла она. – Спрашивай и мудрость леса тебе отвечать станет.

Собравши все свои силы и мысли в одно целое и усев-

шись напротив неё, прямо на еловые ветки, я рассказал ей обо всём, что со мной приключилось в тот злополучный раз. Про демона, город, ударе по уху и про повторение этой ситуации, только уже без виновника прошлого происшествия.

– Да, и по уху я его уже бил. Не помогло, – участливо резюмировал весь вышеприведённый рассказ, мой обезьяноподобный друг.

– Граблями махать дело не хитрое, – открывши глаза, раздражительно бросила ему на это старуха. – Тут дело серьёзное. Тут здешнее мироустройство понимать надо.

– Так вы объясните, – настойчиво попросил её я. – Мне ведь очень надо.

– Так уж и очень?

– Конечно очень! Жутковато тут у вас... если честно. Мне бы домой.

– Он на Масленичной пятнадцать обитает, – интенсивно кивая своей большой головой, зачем-то добавил павиан. – Там к такому не привыкшие.

Ну, тогда слушай! – вновь закрыв свои красноватые глаза, торжественно провозгласила мудрейшая. – О начале времён сказывать тебе буду.

В те дни, когда лишь светлая точка мерцала во тьме окружающей её пустоты и разум Обращённого, ещё лишь силился понять происходящее, явилась сущность созидания и начала в нём быть.

Никто не знает дня, в который Обращённый вознаме-

рился творить, да только был он и была в нём некая суть. Суть же дальнейшего происходящего, есть исполнение намерения и пребывание его в нём. Ибо так было положено начало ему.

И положено было ему что полагалось, и началось для него то, что окрестили впоследствии началом. Ибо в том вся суть.

Первыми, появились Древние и названы были так по древности летоисчислению их.

Вторыми, появились Случайные и тут же стали негодовать об имени вновь приобретённом, но по истечению срока короткого, смирились.

Третьими, появились Мудрые, и мудрость их была в том, что никого не дожидаясь, они сами себе имя выбрали.

Четвёртыми, были явлены Последние и сильно досадовали о том.

Последними же, явились Нежданные, отчего стали тут же прибывать в больших спорах с Последними.

Спор же великий, от них возникший, и на других явленных перекинувшись, в большую беду всю суть намерения, опрокинуть грозился. И был день, когда назначен был совет всех явленных. Совет великий, из лучших представителей наделов, выборный. И было решение большинства о том, чтобы во имя мирного сосуществования, упразднить все имена и сроки их явления. Да только сильно воспротивились тому Мудрые (уж больно имя им это нравилось). И был опять спор о том великий.

Три дня и три ночи было отведено Мудрым, дабы представить совету доводы и соображения свои. Но те, дождавшись ночи, лишь слова обидные, мужам зрелым неприличествующие, на стене (откуда мир явлен был) начертав, в свой надел, им по праву явления вверенный, удалились.

И была война великая, где сошлись на поле обширном все наделы явленные. И сказали явленные, что быть теперь битве страшной. Да только немного постояв там, разойтись были вынуждены, так как Мудрые, на занятность большую сославшись на войну, не явились.

И решили тогда все явленные, город большой, усилиями совместными возвести, дабы в нём в мире и радости (назло Мудрым) прибывать. И положено было граду сему стоять за стеной (откуда мир явлен был), дабы иным в него входа не было.

День и ночь шла работа эта, не лёгкая. С утра до вечера потоком неиссякаемым, стремились за стену повозки с камнем, железом и лесом рубленным, через ворота крепко поставленные. И стоял шум и грохот по случаю этому, весьма великий. Оттого слышны были дела их славные, всем паразитам презренным (то бишь Мудрым), да на зависть оным.

И вот настал день, когда в месте, где звёзды с небес падая, гаснуть не желали, град сей над стеною возвысившись, во славе своей великой расцвёл. И возрадовались все радостью, по случаю этому, великою. Имя же нарекли сему граду (недолго думая) – Метрополия. И поставлены были страж-

ники у ворот его, дабы вход в него чужим преграждать.

День сменял ночь, неделя сменяла неделю, проходили года. Город сей великий прирастал домами новыми, да только когда упёрся приделами своими в озеро бескрайнее, с трёх сторон, да стеною заветною с четвёртою, ввысь расти начал. И случились между обитателями его, разногласия разные, аж до непримиримости доходившие. Потому как каждый возвысится над другим норовил. И решено было советом (вновь выбранным) города великого, жителей всех его, в высоте жилища их, справедливо чередовать, дабы высокомерия в сердцах их истребить.

Закон этот никто оспаривать не смел, и потому зажил город вновь делами праведными, на зависть паразитам презренным, города своего не имевшего.

Да только обиделись Мудрые, на горожан спесивых и дабы те, быта их ущербного замечать перестали, напустили на землю свою туман (дома строить, они ниже достоинства своего почитали) густо-образный. Напустили, и на том и успокоились.

И вновь прошли годы. Город рос и в стремлении своём прибывать и далее великим, продолжал развитие своё поощрять. И в том бесспорно преуспевал, да только случилось жителям его, однажды вновь в спор великий впасть, о том кто для величия города больше делает. И спорили о том долго, так как отдельные жители его, себе особого поощрения требовали, и равных прав впредь (по особым стараниям своим)

признавать не хотели.

Тогда созван был вновь совет великий. И выслушаны были доводы разные. И постановил совет великий, что претензии более старательных справедливы. И упразднена была суть чередования ранние принятая, и решено было впредь, возвышаться по количеству дел праведных, для града великого совершённых. А дабы к старому не возвращаться (так как многие тем не довольными оставались), упразднены были дни, времена и сроки. И впредь, ночь не сменяла дня более.

С тех пор никому не ведомо сколько, но прошло времени много. Город по-прежнему рос и в величии своём много укреплялся. Да только, вновь подняли свои голоса недовольные, и о том не довольствоваться стали, что и среди самых достойных недостойные завелись. Что нету критериев в благости стараний, точно очерченных и иные тем сильно пользуются. И постановил тогда совет великий, книгу точных критериев создать, дабы каждый дела свои (благие и не благие) сверять по ней мог и всеобщему собранию жителей города, на рассмотрение предоставлять. А собирать собрание, было решено по требованию не менее десяти жителей, объединённых желанием общим, статус свой пересмотреть.

И была тогда книга создана, и имя ей нарекли «Кодекс Благости». И были в ней записаны правила вечные. Правила вечные неизменные. Решено было также город великий сей, перестроить, дабы правила новые выполнялись в точности.

Изменение эти в том заключались, что отныне град великий на уровни поделён был.

Первому уровню: первые этажи полагались, и селится нечестивым (по делам их) там было велено. Селится и всю грязную работу по городу выполнять, аж доколе к благодати и усердию по критериям книги, вновь не обратятся.

Второму уровню: со второго по третий этаж полагался, и селится там, на путь старания вставшим, но в делах великих незамеченных, дозволялось.

Третьему уровню: с четвертого по шестой этаж, для жителей его, по критериям благодати уровня их, в книге великой, точно очерченных.

Четвертому: с седьмого по десятый, по критериям благодати уровня их.

Пятому: с одиннадцатого по пятнадцатый, по критериям благодати уровня их.

Шестому: с шестнадцатого по двадцать первый, по критериям благодати уровня их.

Седьмому: с двадцать второго по двадцать восьмой, по критерию благодати уровня их.

Восьмому: с двадцать девятого по тридцать шестой, по критериям благодати уровня их.

Девятому: с тридцать седьмого по сорок пятый, по критериям благодати уровня их.

Десятому: с сорок шестого до самого конца, по критериям наивысшей благодати уровня их.

И для строгости соблюдения порядка этого, была гвардия из числа достойнейших, тут же создана. И стражники у ворот (посменные) к ней так же причислены были, дабы при входе в город, точное положение вошедшего не мешкая определять.

Не все довольные были разделениями таковыми, но так как положение их, от них же зависело, примерились и с тем. И вновь зажил город в процветании своём, по великому усилию жителей его. Да только, в старании своём в благости для города прибывать, остался нижний уровень без обитателей его, вовсе. И явилась от того великая беда мусорная. Беда мусорная, да нечистотами обильными подкреплённая. И тогда ужесточены были критерии Кодекса Благости, дабы работы грязные выполнять кому было. Собрание же теперь, не менее пятидесяти жителей созывать могли. И возроптали вновь жители города, во множестве сильном, да только и тогда успокоены были увещеванием совета великого. А тем успокоены были, что работу скверную выполнять всё же требовалось, да и каждый себя в благочестии своём, мыслями опережал.

И вновь город возрастать в красоте и величии, доселе не виданном, стал. И перекинуты были мосты и переходы, от дома к дому, по уровням их. И побежали вагоны железные, по стеклянным коридорам соединительным, для удобства перемещения жителей их. И возведён был по центру города славного, подъёмник ввысь устремлённый, со всеми

уровнями, коридорами из стекла связанный. А выход из него в коридоры уровней тех, стал строго по пропускам советом выданным, по благочестию заслуженному. У каждого уровня же, администрация своя строгая имелась, советом великим, из числа жителей его, (до момента возрастания в благочестии) назначенная. И на то советом назначенная, дабы не допускать перемещений несанкционированных.

Да только, настолько велико было старание горожан, города великого, в стремлении возрастая, что уровень нижний опять опустеть грозился. А собрания общие, такими частыми стали, что жители утомлены порядком сим, изрядно были. Посему принято было решение новое, собирать собрание это, уже по количеству не менее ста жителей. Но и тогда собраний в количестве не поубавилось. И решил тогда совет великий, дабы беды этой более не допускать, Кодекс Благочестия, из обращения свободного изъять. Себя же единственными толкователями книги объявив, все экземпляры кроме одного (впредь единственного) собрав, огню повелел предать.

Когда же сильное недовольство действием этим, в бунт неслыханный доселе, перерасти грозился, объявлено было советом тем, о святости непреложной, Кодекса, отныне. И что грех это великий, книгу сию святую, в руки брать, если благочестия наивысшего не достиг, пока. И что коли послушаться сего кому, быть бедам тогда страшным, ужасами всякими подкреплёнными. А так как право толкование

её, лишь совету великому дозволялся, то и он впредь святым (в составе теперешнем) объявлялся и выборность его отныне упразднялась. Уровень десятый, теперь ему неизменно и непреложно назначался, да и определять впредь благодать горожан, лишь по наступлению вновь назначенного, великого праздника, полагалось. Но так как времена и сроки упразднены ещё ранее были, то и ожидание его не ясным делалось.

Да только и тогда мыслями своими себя в благодати, опередив, да в святости совета не усомнившись, жители города великого, для себя, пересмотра порядка данного не затребовали.

Шло время, неведомо куда, неведомо сколько. Да только город в развитии своём приостанавливаться начал. Никто теперь в уровне своём, ни возрастать, ни низвергается уже не мог, а потому и стремления к благочестию у всех, слегка поубавились. Дома же, ввысь расти, переставши, недостроенными в этажах верхних, оставаться стали. Картину общую, тем изрядно портя. И тогда старожилы уровня первого, самого неприглядного, видя, что быть от положения этого, беде страшной, книгу великую по памяти восстанавливать принялись. Да только, совет, о том, прознавши, гвардию к ним снарядив, повелел непокорных арестовать, да в наказание из города великого выгнать.

Те же, особенно противиться тому не стали, и из города с проклятиями скверно-словными удалились. Да и осталь-

ные жители, уровня зловонного, за ними, по примеру их, последовав, выходить стали. Пока все и не вышли.

И настала тогда вновь беда мусорная. Беда мусорная, неприглядная. И постановил тогда совет, из состава своего, ответственного за решения всех проблем, выделить. Ибо не престало особам важным, в думы серьёзные погружённым, в глупые происшествия вникать. И выделен был из числа их один, и наречён «Наместником совета великого» по делегированию их. Наместник же в дела вникнув, гвардию к себе тут же призвав, присягнуть им, себе на верность велел. Затем совет великий созвав, заявил, что быть теперь вечно дождю (дабы он нечистоты городские сам в озеро смывал) и упразднил солнце. А после, сильно поразмыслив и совет упразднил следом. Недовольных же (из совета бывшего) решением тем, дождю подсоблять отправил.

Себя же, во избежание непонимания, великим прислужником Кодекса Благости объявив, не только в руки его брать запретил, но и смотреть на него, за грех отныне определил.

Да только, непонимание великое, действия его, среди жителей города произвели. Возроптали обитатели уровней всех. А о том возроптали, что без совета великого им существовать не привычно. И что не почитание это основ города, на благо всех возведённого. Тогда вывил наместник из гвардии своей, каждого десятого и повелел им отныне советом себя именовать. Возрадовались тогда жители неуёмные и на том почли успокоиться.

И вновь прошло времени много, да не ведомо сколько. Горожане, праздника вновь установленного, ждали, сколько могли, однако постепенно, понемногу, да только забвению порядки старые были преданны. И произошли тогда изменения большие в облике обитателей земли той, да и всей остальной тоже. Ибо каждый (возможности не имея в себе более возрасть) по роду мыслей своих и занятий своих, образ соответствующий принимать стал. А образы те, в большинстве своём, несуразными да нелепыми получались.

Те же, кто из города вышел, не желая уровню первому соответствовать, по землям пустым разбрелись. Кто почву окрестную возделывать стал, кто город новый возвести вознамерился, а кто и к Мудрым в туманную обитель пожаловал.

Город тот новый, в землях пустынных и поныне строится, да только нет в нем величия города древнего, по обиде когда-то покинутого. Не выходит он у них, не получается. И даже книга новая, по памяти, да по приданию устному составленная, прежнюю (вроде как) напоминая, им в этом не подсобляет.

Землепашцы же особняком живя, с городом великим, торговлю наладили, и о сверх того размышлять не хотят.

Ну а те, кто в тумане этом, свою радость нашёл... те до сих пор по лесам здешним шастают да бациллу видоизменения разносят. Паразиты гадкие.

Закончив свой рассказ, старуха покрепче затянулась со-

держимым своей трубки, задумчиво выпуская вверх, густые клубы дыма. Павлиан рассеянно чесал лапой свой подбородок, а я силился понять всё услышанное.

– Таков порядок мироустройства здешнего, и иным ему уже не быть, – подвела итог всему выше сказанному мудрейшая.

– История конечно занятная, – осторожно произнёс я, – но, как мне это поможет... я извиняюсь, так и не понял.

– А я вообще ничего не понял, – удивлённо добавил павлиан.

– Для этого в голове мозги нужны, чтобы понимать, – раздражённо плюнув в сторону, огрызнулась ему старуха, – голова она на то дана, чтобы думать, а не шапочки носить, дебилы.

– Дебилы?

– Дебилы!

– Почему дебилы?

– Вы правы, – вновь попытался уйти от ненужной конфронтации я, – конечно правы, но всё же... какой у вас тут принцип перемещения.

– А я знаю?! – удивилась в свою очередь мудрейшая. – Шастаете тут толпами. Житья от вас нет!

На ветке испуганно закаркал ворон. Павлиан внимательно изучал свою шапочку из фольги. Разговор в целом зашёл в тупик.

– Демона искать надо, – с тяжёлым вздохом прервал об-

щее молчание я.

– Ну так ищи, коль надо, – не унимала свою раздражительность старуха. – Я им, как дура про мироустройство... а они мне про демонов, перемещения какие-то. Оно мне надо?!

Остаться тут более не было никакого смысла и потому вежливо поблагодарив Мудрейшую, я кивком головы дал понять своему другу, что мы уходим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.